

07.00.00 Historical sciences and archeology

07.00.00 Исторические науки и археология

UDC 94

**Private Life of Soviet Man during Wartime in Documentary Witnesses
of Regional Record Vault ***

Tat'yana P. Khlynina

Institute for Social and Economic Research and Humanities of the South Science Center of the
Russian Academy of Sciences, Russia

41, Chekhov street, Rostov-on-Don, 344006

Dr. (History)

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The article considers species composition and possibilities of the use of sources, deposited in the National Archive of the Republic of Adygeya, which reflect aspects of Soviet man private life during the Great Patriotic War.

Keywords: private life; Soviet man; the Great Patriotic War; documentary witnesses; regional record vault; the Republic of Adygeya.

Введение. Если в вопросе о том, была ли у советского человека частная жизнь и в чем конкретно она проявлялась, историки достигли, по крайней мере, видимого согласия, то дискуссия относительно ее источникового обеспечения все еще остается открытой. При этом так и несостоявшийся перевод обсуждаемой проблемы в практическую плоскость по большей своей части связывается с документальными возможностями архивохранилищ страны. Будучи государственными меморатными институциями, они на протяжении всей истории своего существования хранили память о Левиафане и его героических деяниях, практически не оставляя физического места для свидетельств о жизнедеятельности подавляющего большинства его подданных. Тем не менее, последние зачастую оказывались активными участниками скупого диалога официальной власти и «прогрессивной общественности». Они писали «письма во власть», направляли ей жалобы и ходатайства, подавая, тем самым, «наверх» сигналы о своем существовании. Именно в этих сигналах сохранились следы той самой частной жизни, которая еще несколько лет тому назад оставалась *terra incognita* отечественной историографии. Однако даже в тех случаях, когда этой жизни находились документальные подтверждения, они, как правило, извлекались из центральных архивохранилищ. Возможности региональных архивов вплоть до недавнего времени исследователями серьезно не рассматривались. Между тем, в силу меньшей забюрократизированности и оторванности от «мейнстримных» направлений архивного дела, в их фондах оседали разнообразные и не всегда тематически выдержанные документы из обыденной жизни «простых людей».

Материалы. В данной связи рассмотрим те возможности, которыми располагает для изучения частной жизни советского человека военного времени наиболее известный мне Национальный архив Республики Адыгея (НАРА), с работой в котором связана большая часть профессиональной жизни.

Следует сразу отметить, что архив относительно молод. Его создание относится к 1924 г. Большая часть его фондов оказалась уничтоженной в годы Великой Отечественной войны. По словам заместителя директора по научной работе, *«львиная доля документов хранится в Краснодарском краевом архиве. У нас хранятся в основном документы, если были копии, дубликаты <...> Более подробная, интересная и такая, чтобы в оригинальных*

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)», проект № 12 – 01 – 00127.

документах, она (история – Т.Х.) начинается у нас с 1938 где-то года, затем брешь из-за войны и с 1944 г.» [1]. Однако, несмотря на эту досадную пробоину, в архивном фонде отложилось несколько видов документальных комплексов, позволяющих исследователю обнаружить существование и причудливые изгибы частной жизни советского человека в условиях войны. Прежде всего, это личные фонды*, формирование которых в НАРА началось с 1983 г. Правда, в отличие от того же «Народного архива» в нем представлены не просто «голоса из хора», а лишь немногие из его солистов. Их жизненный путь оказался наиболее созвучным прожитому времени и был отмечен государством. Вплоть до середины 2000-х гг. пополнение этих фондов велось эпизодически, затем руководством архива было принято решение упорядочить данный процесс. На сегодняшний день в личных архивных фондах известных деятелей, участников и очевидцев революционных событий начала прошлого века, Гражданской и Отечественной войн, собрано более 2 тыс. ед. хр.

Так, в семейном фонде Киселевой (Давыдовой) хранятся два уникальных документа периода Великой Отечественной войны – дневник ее отца М.П. Давыдова (1901 г.р.) и мужа А.В. Киселева (1922 г.р.). Переданные в архив в 2002 г. они, к сожалению, вплоть до сегодняшнего дня так и не нашли своего исследователя. Написанные людьми разных поколений, они воплотили в себе не менее разнообразные проявления частной жизни советского человека того времени [2]. Безусловно, подобного рода свидетельства являют собою большую редкость не только в источниковом корпусе рассматриваемого времени, но и своем местонахождении. Тем не менее, сам факт их существования *«показывает, что ...< > в наши архивы продолжают поступать дневники советских граждан, давая основание надеяться, что и советская эпоха даст нам не меньше, чем XIX в. документов личного происхождения и, что особенно интересно, рядовых граждан»* [3].

Хорошим подспорьем для исследователя частной жизни советского человека рассматриваемого периода времени является личный фонд П.У. Аутлева, где, помимо всего прочего, отложилась и переписка А.В. Киселева с фронтовиками, призывавшимися в действующую армию из Адыгеи. Она содержит не только уточненные факты их военной биографии, но и краткие воспоминания о боевом пути воинских соединений, довоенной и военной жизни, копии и оригиналы писем родным. В деле, озаглавленном «Документы о К.П. Василенко, участнике Великой Отечественной войны, Герое Советского Союза», хранятся его воспоминания, относящиеся к 1942–1947 гг. В них, в частности, он трогательно описывает свои проводы в армию 1942 г., когда, получив последнюю повестку о призыве (*«до этого меня раз 8 – 10 вызывали и отпускали домой»*), его провожали *«все девушки и замужние и все плакали, жалели отпускать такого забавного хлопца (18 лет 8 месяцев). Но я им ответил: “Ничего девушки, еще встретимся”*» [4]. Окончив летное училище в звании младшего лейтенанта, попал в десантные войска. Был ранен в районе Белгорода и на лечение отправлен в Москву, где и познакомился с будущей женой Верой. Эта, казалось бы, судьбоносная встреча не нашла отражения на страницах его воспоминаний. Как впрочем, и иные бытовые подробности его *«богатой»* фронтовой жизни. Причиной тому представляется его личная скромность. Поясняя отсутствие фронтовых фотографий, он отметил, что *«по совести сказать, я их не сохранил, так как не любитель хвастаться о себе»* [5].

В деле Героя Советского Союза И. Чучваги находятся копии писем родным, стилистика и содержание которых указывают на его глубокую привязанность к семье и в тоже время крайнюю эмоциональную скупость ее выражения: *«Добрый день, дорогие родители!*

* Тематически и сюжетно расширяя исследовательский нарратив о войне, источники личного происхождения, вернее практики их использования, демонстрируют не только познавательные возможности источника, но и разнообразные коллизии его жизни в потоке времени. Речь, прежде всего, идет о неоднозначном и крайне противоречивом процессе взаимодействия исследователя с находящимися в его распоряжении источниками личного происхождения военного времени. Подверженные цензуре и сосредоточенные по преимуществу на передаче личных ощущений переживаемого момента, они с большим трудом встраивались в панорамные полотна беспримерного боевого и трудового подвига советского народа. И лишь со смещением исследовательского интереса к микроистории, повседневной и частной жизни советского общества эта группа источников обрела свое второе рождение.

Письмо от Вашего сына Ивана. Дорогие родители, пишу первое письмо после 8 месячного перерыва, когда Вы были на оккупированной территории. Да и теперь не знаю, получите ли Вы его и кто из Вас в живых. Привет и крепко целую папу, маму, Шуру с детьми, Марусю, Раю, дорогого сыночка Валерия, бабушку, тетю Ганю, родных Раю и всех, всех знакомых». «Добрый день, дорогие многоуважаемые родные папа, мама, жена Рая с сыном Валерием, сестры: Шура с детьми и Любочка. Прежде всего, я Вам сообщаю, что я жив, здоров, чего и Вам желаю. Дорогие, пишу Вам второе письмо в надежде, что за 8 месяцев разлуки мы все же восстановим связь, а главное мне хочется узнать, кто из Вас находится в живых и кто где находится. Ваш сын Ваня» [6]. Незатейливость их содержания, ритуальный и четко ранжированный характер обращения к каждому члену семьи, находящий воплощение в коллективной форме приветствия, помимо всего прочего, свидетельствуют и об отсутствии опыта уединенной жизни в условиях большой крестьянской семьи, а также привычки к саморефлексии. В свою очередь, его настойчивое стремление к восстановлению прерванной связи с родными, их тщательное перечисление с указанием степени близости передают его внутреннее состояние и глубокую потребность в сопричастности к их судьбам.

Тема восстановления нарушенного войной семейного единства находит свое продолжение и в фондах документов официального происхождения. Материалы городского исполкома «по переписке по жалобам трудящихся за 1943 г.» содержат десятки писем с просьбами сообщить о местонахождении родных, остававшихся в Адыгее до эвакуации. Подобного рода обращения стали поступать практически сразу же после освобождения области. Многие из них были адресованы лично руководителям города, с которыми «просителей» связывали приятельские отношения еще с довоенных времен. 27 февраля 1943 г. на имя председателя Майкопского горисполкома Шиянова поступило письмо от «фронтовика Степанова Я.С., по-прежнему командовавшего все той же частью, которую сформировали на Кубани»: «Я в Майкопе, написал десятки писем семье и всем знакомым, но ни от кого не получил ответа. Не знаю, что случилось с моей семьей и вообще, что немецкие бандиты сделали с Майкопом. Прошу тебя написать мне пару слов и правду о семье и о Майкопе. Надеюсь, что это письмо не останется без ответа. Вы знаете, что неизвестность о семье действует на нервы» [7].

Однако больше всего просьб поступало от граждан, оказавшихся в эвакуации и желавших вернуться на родину, обрести «долгожданное спокойствие и наконец-то собрать остатки семей». Л.Г. Батейкина, уроженка Майкопа, эвакуированная в Семипалатинскую область, просила горисполком «вызвать ее на любую работу, так как в городе у нее оставалась мать, инвалид 85 лет». Обещала «работать по-фронтовому» [8]. Майкопчанин просил разрешения на «вызов жены и внука, эвакуированных в Челябинскую область, т.к. мне без семьи жить очень трудно после возвращения из эвакуации в мае 1943 г.» [9]. Оказавшаяся в Буйнакске «с ребенком на руках» К.Е. Митикова, желая вернуться в Майкоп («где мои родные все живут»), самостоятельно, «по слухам» нашла себе работу: «Все время проработала на производстве <...>. Дубзавод, говорят, набирает слесарей. Поскольку сейчас муж в армии, а работать надо, буду работать слесарем» [10]. Люди стремились возвратиться «на насиженные места», к «оставленной жилплощади» («а то скитаемся по углам, платим 100 руб.»), «хорошему климату» [11].

О жизни эвакуированных можно узнать из письма дочери Шиянова, 17-летней Клавдии, оказавшейся с частью семьи в Ереване: «Как мы живем, в письме не опишешь. Получаем от Вали письма и деньги. Он очень поддерживает нас. За тебя мы не получили за ноябрь, декабрь, январь ни копейки. От Нюси тоже получаем письма, и она тоже присылает нам деньги. Они не забывают нас и очень беспокоятся. Мы учимся, мама работает в детском саду поваром, бабушка ей помогает. И живем мы тоже в этом детском саду, куда устроил директор нашей школы Б.А. Багдасарян. Он нам очень помог в отношении квартиры, ибо нам грозило остаться без крова. Учусь я на “отлично” и думаю, что год также окончу на “отлично”. Здесь меня в школе все хвалят, скоро совсем захвалят. Никогда я еще не училась с таким воодушевлением». В письме сообщается, что отправляемые ему письма остаются без ответа, получение которого «будет самым счастливым днем нашей жизни» [12].

В рассматриваемом фонде отложились и документы жилищной комиссии по обследованию условий быта горожан в первые послеоккупационные месяцы. В акте, датированном июнем 1943 г., сообщалось о «крайне плохих материально-бытовых условиях жизни т. Сычева, находившегося в городе после ранения 1942 г.»: «Обстановку имеет только две кровати, постели нет, с питанием плохо, одежды и обуви нет. Квартира требует большого ремонта, стены обваливаются. Мать во время оккупации пособия не получала, жила тем, что продавала сыновьи вещи» [13]. В не менее плачевном состоянии находились и семьи погибших фронтовиков: «Чуланов Никифор Захарович остался после смерти сына в 1943 г. с женой 1895 г.р. и внуком 1940 г.р. Имеет собственный дом из 2-х комнат, огород. Кроме этого из ценного нет ничего. Источником существования является частная работа, временная; пилит дрова и другая текущая работа. По состоянию здоровья работать не может» [14]. Здесь же встречаются сведения о «закреплении» эвакуированных детей за отдельными гражданами и семьями. Так, в жалобе А.Ф. Баневой сообщалось, что «в 1942 г. (марте месяце) администрация завода им. Фрунзе поставила эвакуированного мальчика из Ленинграда 15 лет. Завод обещал всяческую помощь со своей стороны деньгами, дровами. На моей обязанности лежал присмотр за мальчиком. Я приняла живое участие в воспитании мальчика, который потерял мать. За полтора года от завода никакой помощи не получила» [15].

О чувствах, настроениях и переживаниях советского человека можно «прочитать» в рукописи фронтовых песен Г.М. Панеш. Гошсох Малаховна (1922 г.р.), вошедшая в историю области в качестве депутата Верховного Совета СССР второй половины 1940-х – конца 1950-х гг., свой боевой путь прошла зенитчицей артиллерийского полка. Среди переданных ею в архив документов – небольшой 18-ти страничный блокнот, записи которого датируются 1944–1946 гг. Они представляют собою переписанные ее рукой, а также вписанные сослуживцами и подругами песни. Записи сделаны чернильной ручкой, хорошо прочитываемы. Помимо известных и популярных песен того времени («Москва», «Серая шинель», «Катюша», «Ленинградская застольная». «Офицерский вальс»), в нем представлены и образцы народного творчества, передающие ощущения смертельной опасности, физических и душевных травм, связанных с войной. Так, «Песня фронтовика матери», записанная Ниязовым «во время службы в РККА» в 1944 г., повествует о «бедном калек», изувеченным «немецкими гадами». Выполненная в жанре «воровского романса» она передает страх человека перед смертью и физической ушербностью, неизбежно сопряженной с уходом на фронт:

*Как я вспомню лунные ночи,
ярко звезды сияли кругом.
Провожала мамаша сыночка
в дальний запад, на западный фронт.
Она сказала, сынок до свидания,
может, кончится скоро война,
с тебя снимут шинель и винтовку
и я снова увижу тебя.
Так не жди, дорогая мамаша,
мое сердце вещает бедой,
что я больше домой не вернуся,
а наверно на фронте умру.
Так довольно прощаться, маманя,
вот ударил последний звонок.
Пожелаю остаться счастливо,
а сам еду за смертью в окоп.
Там страдают людей миллионы,
кровь с них льется рекой и домрой,
раздаются предсмертные стоны
и рыданья сестры молодой.
Отрезают руки и ноги,
в лазарет санитары везут.
Перевязжут тяжелые раны,*

*вместо ног костыли подадут.
Не таким я на свет родился,
не таким меня мать родила,
но немецкие гады, фашисты,
эту злобность нам всю принесли.
Загудели гудки на заводах,
мой товарищ идет из аул,
мое сердце кровью стекает,
меня калекой везде назовут [16].*

Жалость к погубленной молодости, нередко дополнялась в таких песнях и мотивами поруганной врагом девичьей чести. Молодой человек, явно испытывавший к Г.М. Панеш «нежные» чувства, оставил в блокноте запись-четверостишие,

*Галя, писать красиво не умею,
Ведь я не Пушкин и не Крылов,
Но только есть одно сомненье,
Любить (орфография оригинала – Т.Х.) вас можно или нет?*

сопроводив его выдержкой из песни «Незримая рана»:

*Есть муки, которые смерти страшней,
они мне на долю достались.
Над гордой и светлой любимой моей,
немецкие псы надругались [17].*

Однако уже в послевоенные годы любовные переживания и муки по большей своей части связываются с природной стихией и потребностями в счастье мирного времени:

*Любовь – это бурное море.
Любовь – это золотой океан.
Любовь – это счастье и горе.
Любовь – это сущий обман [18].*

Заключение. Таким образом, документы только одного и далеко не самого полного (в хронологическом отношении) регионального архивохранилища предоставляют исследователю частной жизни советского человека военного времени довольно широкий (в видовом отношении) диапазон источников. Прежде всего, это свидетельства личного происхождения, отложившиеся в личных фондах граждан. Несмотря на практически мало чем отличимый состав передаваемых ими документов (автобиографий, производственных характеристик, послужных и наградных списков, различного рода членских билетов и трудовых книжек), многие из них содержат воспоминания, письма и даже дневники того времени. Все они, в той или иной мере, передают архитектонику и различные регистры частной жизни, пространство и регулирование которой определялись полученным образованием, профессиональной принадлежностью, уровнем материального достатка, семейными устоями и вытекающими из них возможностями. В свою очередь, внешние рамки ее зачастую не всегда институционализированных проявлений, определявшиеся государством, представлены документами официального характера – перепиской с гражданами относительно жалоб и просьб последних; актами всевозможных обследований их материального состояния; правовыми нормами регулирования практик повседневной жизнедеятельности. Взаимодополняемость различных видов источников, находящихся в архиве, позволяет (хотя и не в полном объеме) решать задачи, связанные с прояснением форм, пространства и границ существования частной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны.

Примечания:

1. Полевые материалы автора. Республика Адыгея, г. Майкоп, респондент Ф.З. Гонежук, запись от 18.07.2012.

2. Более подробно о структуре дневников, их источниковедческой характеристике и содержании: Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени как исследовательский проект // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3 (25). С. 98–105.

3. Цитата из рецензии В.П. Козлова на статью автора, предоставленную в редакцию журнала «Отечественные архивы» от 21.09.2012 // Личный архив.

4. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея». Ф.Р.-1146. Оп. 1. Д.267. Л.19.

5. Там же. Л.22.

6. Там же. Д.237. Лл.15, 17.

7. Там же. Ф.Р.–79. Оп.3. Д.37. Л.2.

8. Там же. Л.34.

9. Там же. Л.14.

10. Там же. Л.23.

11. Там же. Л.52.

12. Там же. Л.7.

13. Там же. Л.65.

14. Там же. 30.

15. Там же. 49.

16. Там же. Ф.Р.–879. Оп.1. Д.31. Л.2.

17. Там же. Л.14 об.

18. Там же. Л.10.

УДК 94

Частная жизнь советского человека военного времени в документальных свидетельствах регионального архивохранилища

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия

344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

Доктор исторических наук

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению видового состава и возможностей использования корпуса источников, хранящихся в Национальном архиве Республики Адыгея и отразивших различные аспекты частной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: частная жизнь; советский человек; Великая Отечественная война; документальные свидетельства; региональное архивохранилище; Республика Адыгея.